

Андрей Белый и Рудольф Штейнер

Воспоминания о серебряном веке.

Сост., авт. предисл. и коммент. Вадим Крейд.

М.: Республика, 1993. -- 559 с.

OCR Ловецкая Т. Ю.

Лишь случайно доходили в мой швейцарский угол сообщения эмигрантской печати об отношении Андрея Белого к Рудольфу Штейнеру и его труду. Откликаться на них не имело смысла хотя бы потому, что в русских кругах было определенное нежелание ознакомиться с деятельностью Штейнера, и они удовлетворялись, можно сказать, единогласьем отрицательных отзывов о нем представителей различных направлений. Но тема эта, потеряв более чем за сорок лет личный характер, не утратила своей остроты.

Примером могут служить статьи в последних номерах "Мостов", в частности написанная незадолго до его смерти статья Ф. А. Степуна (Мосты. No 11) с характеристикой Белого¹. Но перед тем как говорить о ней, коснемся высказываний двух критиков более раннего периода, придававших большое значение литературному труду Андрея Белого и изучавших его с любовью в тесной связи с биографическими данными о жизни писателя. Эти критики -- Р. Иванов-Разумник и К. Мочульский. Но и они, подходя к времени, когда Белый встречался с Рудольфом Штейнером, допускают крупные ошибки, влияющие на их выводы о значении этой встречи для писателя. Так, Иванов-Разумник полагает, что Белый примкнул к антропософии Штейнера уже в 1909 году, и поэтому делает заключение, что "Петербург" был написан под ее, в художественном смысле, влиянием. В действительности Белый познакомился с антропософией весной 1912 года, то есть тремя годами позже, и только две последние главы "Петербурга" были написаны Белым, когда он был членом Антропософского движения.

Более осведомленный об этом периоде (1909--1912) К. Мочульский описывает его очень подробно и точно, но он почему-то считает, что первая встреча со Штейнером произошла между Христианией и Берлином в 1912 году и что после этого Белый поехал в Англию. На самом деле поездка в Берген (а оттуда в Берлин) состоялась в октябре 1913 года, то есть через полтора года после первой, решающей встречи со Штейнером в Кёльне. Интересно отметить, что эта ошибка привела Мочульского к выводам, прямо противоположным тем, которые сделал Иванов-Разумник из-за своей ошибки.

При всем их различии в отрицательном отношении к Рудольфу Штейнеру оба эти критика единодушны: оба они считают, что антропософия погубила в Бугаеве писателя. То же думает и Степун. Но почему Степун считает, что Андрей Белый "с ненавистью отошел от Штейнера", и отошел ли он в действительности? ²

Этот вопрос ставится не только в эмиграции: судя по скудным сведениям, им интересуются и в России.

Нет сомнения, что во время кризиса 1922--1923 годов в Берлине, в состоянии аффекта, Бугаев выражался о Штейнере враждебно. То, что об этом А. Белый печатал сам, лежит на его ответственности, но надо ли его за это осуждать? Литературные круги знали Белого с начала столетия, они знали, что подобные болезненные состояния и выпады с ним случались не раз -- стоит только взглянуть в воспоминания о нем Бориса Зайцева (Мосты. No 10)³.

Прав Степун в том, что нападки Белого не могут вредить Штейнеру. Но они вредят отношению к нему тех, кто не знает всех фактов. Выпады эти Степун объясняет изменчивым характером Белого как человека и писателя: он нападал и на ближайших друзей, например на Блока. Но в выводах своих Степун ошибается: Бугаев глубоко страдал из-за семилетнего расхождения с Блоком и был счастлив, когда они вновь нашли друг друга. Тут не было измены, и причину надо искать в сложности его душевного склада, в бессознательном ощущении им опасности себе и другим и неправомерном внесении искажающего влияния этих ощущений в действительность.

Степун допускает, что Белый мог временно вернуться к Штейнеру, а потом снова отойти от него. Тут опять ошибка: в разгар нападок на Штейнера Бугаев говорил (если не дословно, то по смыслу достоверно), что как бы он ни бунтовал и ни ругал "Доктора", так он называл Штейнера, он никогда от него не отойдет, "потому что я знаю, что в антропософии правда, что в нем -- правда. Я это знаю,-- повторял он,-- и от этой правды никогда не отойду".

Из этих слов видно, что мы имеем тут дело с двойственностью, проявлявшейся не в разное время, как думал Степун, а одновременно и поэтому ставящей вопрос о ней на совершенно другую плоскость.

Одной из основных тем Белого было нахождение современного сознания "на перевале". Наши